

**СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ТРАКТАТА КАНТА
«НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЧУВСТВОМ
ПРЕКРАСНОГО И ВОЗВЫШЕННОГО»:
ИСКУССТВО ВИДЕНИЯ
И ОПИСАНИЯ ОБЪЕКТА**

А. В. Бабаева¹, Л. В. Гусева¹, О. М. Ким²

Предпринята попытка прочтения «Наблюдений над чувством прекрасного и возвышенного» Иммануила Канта в контексте становления эпистемической практики — научного наблюдения. Будучи сосредоточены на жанрово-стилистических и семантико-структурных особенностях построения анализируемого текста, авторы демонстрируют механизмы осуществления наблюдения, а также способы описания полученных результатов, характерные для науки середины XVIII столетия. Анализируемый трактат Канта расценивается авторами как гибридный текст, который свидетельствует, во-первых, о весомости естественно-научной парадигмы и степени ее влияния на гуманитарное знание в эпоху Нового времени и, во-вторых, о мультижанровости философских трактатов, сочетающих взвешенную, серьезную мудрость философии, точность терминологии науки и образность художественного текста. Кант показан не только как исследователь и философ, способный демонстрировать сущностные характеристики предмета через единичное и изменчивое, фиксируемое в наблюдении, но и как писатель, искусно владеющий инструментами удержания внимания читателя посредством языковых приемов и практик создания образов. Продемонстрировано, как категории «прекрасное» и «возвышенное» становятся общей рамочной характеристикой моральных и психологических свойств человеческой природы. Показано, что «эстетическая» формулировка используется Кантом в на-

¹ Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина.

Россия, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

Россия, 236016, Калининград, ул. А. Невского, д. 14.

Поступила в редакцию: 10.02.2022 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-3

**SEMANTIC AND STYLISTIC FEATURES
OF KANT'S OBSERVATIONS
ON THE FEELING OF THE BEAUTIFUL
AND THE SUBLIME:
THE ART OF SEEING
AND DESCRIBING AN OBJECT**

A. V. Babaeva,¹ L. V. Guseva,¹ O. M. Kim²

Immanuel Kant's Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime is examined in the context of the emergence of the epistemological practice of scientific observation. By focusing on the genre-stylistic and semantic-structural features of the text the authors demonstrate the mechanisms of observation as well as the methods of describing the results characteristic of mid-eighteenth century science. The authors consider Kant's treatise to be a hybrid text: on the one hand, it attests to the importance of the natural science paradigm and the degree of its influence on the humanities in the modern period; and, on the other hand, it bears witness to the multi-genre character of philosophical treatises, combining as they do the considered and serious wisdom of philosophy, the precision of scientific terminology and the figurativeness of a work of fiction. Kant is perceived not only as a researcher and philosopher capable of bringing out the essence of the particular and changeable captured in observation, but as a writer with a consummate command of the apparatus for keeping the reader's attention through linguistic devices and practices of image-creating. The authors demonstrate how the categories of the "beautiful" and "sublime" become a general framework for the description of the moral and mental properties of human nature. The authors show that Kant's use of "aesthetic" wording in the title of his treatise does not announce

¹ Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

1 Ulianova st., Nizhny Novgorod, 603005, Russia.

² Immanuel Kant Baltic Federal University.

14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia.

Received: 10.02.2022.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-3

звании трактата не для того, чтобы анонсировать анализ художественного восприятия и практик, а преимущественно чтобы обозначить форму предлагаемого антропологического исследования и концептуализации научного знания. Кант перенес техники визуализации из естественных наук на объекты философского исследования, чем способствовал развитию в гуманитарной науке репрезентативных практик, научного метода наблюдения, а также одноименного эпистемического и литературного жанра.

Ключевые слова: Кант, наблюдение, автор, читатель, жанрово-стилистические особенности, научная методология

1. Введение

Кантовская теория прекрасного и возвышенного довольно часто оказывается объектом исследования кантоведов, однако далеко не всегда при этом уделяется внимание трактату «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764) — он нередко остается в тени более зрелой «Критики способности суждения» (1789). В отечественном кантоведении исключениями из этой тенденции стали исследования, посвященные истокам ранней кантовской эстетики и антропологии (Нарский, 1985; Мееровский, 1985), кантовской философии любви (Судаков, 2017), а также понятию возвышенного в этическом измерении (Волжин, 2017). И все же «Наблюдения...» — это тот трактат, благодаря которому в свое время Кант приобрел репутацию модного автора (Гулыга, 1977, с. 75). Произведение с момента выхода сразу же завоевало популярность у публики и только при жизни автора выдержало восемь изданий.

Нас интересуют именно методологический и стилистический аспекты трактата, точнее, их сочетание и взаимодействие. Лингвистический, герменевтический и лингвокультурный анализ сочинений Канта до сих пор осуществлялся на материале трудов критического периода, а также ранних натурфилософских трактатов (см.: Копцев, 1993; 2010; Черненко, 2005; 2017; Ни-

that his aim is analysis of artistic perception and practices, but mainly refers to the form of his anthropological study and conceptualisation of scientific knowledge. Kant has transferred the technique of visualisation from natural sciences to the objects of philosophical inquiry, thus contributing to the development in the humanities of representative practices, the scientific method of observation as well as the corresponding epistemic and literary genre.

Keywords: Kant, observation, author, reader, genre and style features, scientific methodology

1. Introduction

Kant's theory of the beautiful and the sublime is a frequent object of study by Kant scholars, but the treatise *Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime* (1764) is often overshadowed by the more mature work *Critique of the Power of Judgement* (1789). Exceptions from this trend in Russian Kant scholarship are studies devoted to the sources of early Kant aesthetics and anthropology (Narsky, 1985; Meerovsky, 1985), the Kantian theory of love (Sudakov, 2017), as well as the ethical dimension of the concept of the sublime (Volzhin, 2017). And yet it was *Observations* that in its time earned him the reputation of a fashionable author (Gulyga, 1977, p. 75). It became an immediate success with the public and went through eight editions in the author's lifetime alone.

We are interested above all in the work's methodological and stylistic aspects, or rather, their combination and interaction. To date, linguistic, hermeneutic and cultural analysis of Kant's works has been based on the works of his critical period and on his early works on the philosophy of nature (cf. Koptsev, 1993; 2010; Chernenok, 2005; 2017; Nikonova, 2012; Tausneva, 2016). The works of the pre-critical pe-

конова, 2012; Тауснева, 2016). Произведения докритического периода лингвистически еще не исследованы. Схожий подход к выбору материала реализован в логико-когнитивном анализе кантовских текстов с построением формализованных моделей аргументации: здесь основное внимание до сих пор уделялось механистическим и органическим метафорам в поздних и натурфилософских сочинениях Канта (см.: Сологубов, 2004; Зильбер, 2016; 2020а; 2020б; Zilber, 2016). Одна из возможных причин недостатка внимания к «Наблюдениям...» заключается в том, что многие психологические и антропологические суждения этого трактата сегодня выглядят как очевидные предрассудки — правда, ничуть не меньше в нем и тех суждений, которые со временем не потеряли актуальность. В лингвистическом отношении этот некогда популярный трактат представляет интерес хотя бы потому, что, как отмечает И. Г. Черненко, Кант принадлежит к числу авторов, которые сформировали немецкий научный дискурс XVIII в. (Черненко, 2017, с. 115).

С учетом означенных обстоятельств дальнейшее изложение не претендует на тематическую реконструкцию смысловых блоков, составляющих содержание «Наблюдений...». Наше обращение к отдельным темам и проблемам анализируемого текста вызвано скорее необходимостью иллюстрирования его жанрового своеобразия в контексте институционализации наблюдения, а также отражения логики отношений, которые выстраивает автор с читателем, демонстрируя результаты своих изысканий. Наши задачи — это, во-первых, определение историко-научного контекста появления кантовских «Наблюдений...»; во-вторых, поиск в тексте сочинения особых способов представления и описания данных анализа «человеческой природы», апробированных кёнигсбергским философом; в-третьих, вскрытие механизмов формирования оптики наблюдателя (через фигуру автора) как инстанции (вос)производства и трансляции знания.

riod have yet to be studied from the linguistic point of view. A similar approach to the selection of material marks the logical-cognitive analysis of Kant's texts, involving the construction of formalised models of argumentation in which attention has to this day been focused on mechanistic and organic metaphors in Kant's later works dealing with the philosophy of nature (cf. Sologubov, 2004; Zilber, 2016a; 2016b; 2020a; 2020b). One possible reason for the lack of attention given to *Observations* may be that many psychological and anthropological judgments in that treatise look like obvious prejudices today, although at least as many judgments in it have lost none of their relevance. Linguistically, this once popular treatise awakens interest if only because, as Irina Chernenok (2017, p. 115) notes, Kant was one of the authors who shaped the German scholarly discourse in the eighteenth century.

Considering the above circumstances, this paper does not claim to reconstruct thematically the blocks of meanings that form the content of *Observations*. We only turn to specific themes and problems of the text being analysed in order to illustrate their genre characteristics in the context of the institutionalisation of observation and reflection of the logic of relations with the reader which the author builds to demonstrate the results of his research. Our tasks are, first, to determine the historical-scientific context in which Kant's *Observations* were published; second, to find in the text of *Observations* special methods of presenting and describing the data of his analysis of "human nature" that the Königsberg philosopher tried out; and third, to reveal the mechanisms of forming the observer's optics (through the figure of the author) as a means of (re)production and translation of knowledge.

2. Наблюдение как форма изложения и метод исследования в историческом контексте

«Эстетическая» формулировка названия трактата определяет рамку анализа всего содержания текста: этической проблематики, темы взаимоотношения полов и специфики национальных характеров. Его интегральной темой является человек в его действительном существовании. В связи с этим данный текст представляет особый интерес для тех, кто исследует формирование кантовской концепции антропологии в критический период. В «Наблюдениях...» Кант выступает как эссеист, который в образной и ироничной форме затрагивает целый ряд и по сей день актуальных социально-психологических, эстетических и этических тем. Не случайно в этом трактате и переплетение эпистемологических проблем с политическими: становление и признание жанра эссе как формы изложения результатов наблюдения шло одновременно со становлением и ростом национальных государств, поэтому внимание Канта в «Наблюдениях...» к специфике национальных характеров стоит рассматривать не только в свете формирования науки о человеке (собственно антропологического проекта), но и в рамках изменения статуса политического в жизни социально-культурных организмов.

Для Канта это было первое эссе в его научной карьере. Дж. Заммитто отмечает, что в Европе к тому времени сложилась уже определенная традиция эссеистики, во многом она пересекалась с традицией общественной критики — афористичными сочинениями французских и британских «моралистов» от Монтеня до Бэкона. В немецком Просвещении этот жанр был известен под названием «Опыт» (*Versuch*). Характерным для него были не только живость и изящество слога, но и шутливость, остроумие. Это было пространство вольного дискурса, в котором отсутствуют барьеры для развития мысли, пространство экспе-

2. Observation as a Form of Presentation and Research Method in the Historical Context

The “aesthetic” wording of the title of the treatise determines the framework of analysis of the whole context of the text: the ethical problems, the topic of the relations between the sexes and the idiosyncrasies of national characters. The overarching theme is the human being in his real existence. This makes the text particularly interesting for those who study the formation of Kant’s concept of anthropology in the critical period. In *Observations* we perceive Kant as an essay writer who uses imagery and irony in addressing a range of socio-psychological, aesthetic and ethical topics that are still relevant today. It is not by chance that in the treatise epistemological and political problems intertwine: the emergence and scientific recognition of the essay genre as a form of presenting observation results went hand-in-hand with the emergence and growth of nation states, so that Kant’s attention to the differences between national characters should be seen not only in the light of the formation of the science of humanity (the anthropological project) but in the framework of the changing status of the political in the life of socio-cultural organisms.

This was the first essay Kant wrote in his career. John Zammito notes that by that time a certain tradition of essay writing had taken shape in Europe which in many ways overlapped with the tradition of social criticism as represented by the aphoristic works of the British and French “moralists” from Montaigne to Bacon. In the German Enlightenment the genre was known as “essay” (*Versuch*). The genre was marked not only by liveliness and elegance of diction, but also facetiousness and wit. It was a domain of free discourse without barri-

риментирования, и название «Наблюдения...» особенно подчеркивает эту свободу (см.: Zammito, 2002, p. 105).

Насколько серьезно в этой связи следует воспринимать «Наблюдения...» — и насколько серьезный «опыт» это был для Канта? Дж. Голдвэйт в предисловии к переводу «Наблюдений...» на английский язык пишет, что книга «богато раскрывает личность автора» (Goldthwait, 1960, p. 13). М. Кюн оспаривает это мнение: «Мы видим тут не столько искренние чувства, сколько предрассудки эпохи», причем некоторые из них Кант воспроизводил в своих лекциях до конца своей преподавательской деятельности, но это не делает их менее устаревшими (Кюн, 2021, с. 205). Вместе с тем верно и замечание А. Гулыги о том, что Кант этим текстом предугадал «грядущий поворот от рассудка к чувствам» и назревающий интерес культуры к жизненному миру личности (Гулыга, 1977, с. 69).

Главным мыслителем, который влиял на Канта в первой половине 1760-х гг., был Ж.-Ж. Руссо, автор романов «Юлия» (1761) и «Эмиль» (1762). Ведущей темой кантовской антропологической мысли стало противопоставление естественного человека и человека цивилизованного. От Руссо и британских мыслителей Кант, как отмечает Заммито, перенял следующую содержательную предустановку для реализации этой программы: природа естественного человека раскрывается прежде всего через его чувство (Zammito, 2002, p. 110). Точнее, через наблюдение за чувствами. Наблюдениями назвал свой метод в «Эмиле» Руссо, Кант же в заметках к своим «Наблюдениям...» высказал пожелание «распространить» воспитательные идеи «Эмиля», и, по мнению С. М. Шелл, все последующее развертывание философии Канта было подчинено этой задаче (Shell, 2002, p. 456).

В области антропологии наблюдение оставалось безальтернативным средством эмпирического исследования. На наш взгляд, в случае Канта естествознание и философская антропология разошлись не столь далеко. Мы расс-

суживали для развития мысли, пространство для экспериментирования, особенность, которая подчеркивается в названии *Observations* (ср. Zammito, 2002, p. 105).

Как серьезно, тогда, должны мы воспринимать «Наблюдения», насколько серьезной была эта «попытка» для Канта? Goldthwait (1960, p. 13) в предисловии к английскому переводу *Observations* пишет, что книга «богато раскрывает личность автора». Manfred Kuehn (2001, p. 142) оспаривает это мнение: «Что мы получаем, это не столько heartfelt sentiments, сколько предрассудки эпохи», некоторые из которых Кант воспроизводил в своих лекциях до конца своей преподавательской деятельности, но это не делает их менее устаревшими. Но мы можем идти вместе с Arseniy Gulyga's замечанием, что в этом тексте Кант предугадал «грядущий поворот от рассудка к чувствам» и культуры's incipient interest in the life-world of the individual (Gulyga, 1977, p. 69). Мыслитель, который оказал наибольшее влияние на Канта в первой половине 1760-х гг. был Jean Jacques Rousseau, более точно его романы *Julie* (1761) и *Emile* (1762). Juxtaposition of the natural and the civilised human being became the main theme of Kant's anthropological thought. It was from Rousseau and the British thinkers that Kant, according to Zammito (2002, p. 110), borrowed the key principle of this programme: the nature of the natural human being reveals itself primarily through his/her feelings. More precisely, through observation of feelings. Rousseau described his method in *Emile* as observations. In the notes to his *Observations* Kant wrote about "propagating" the educational ideas of *Emile*, the task to which, in the opinion of Susan M. Shell (2002, p. 456), Kant devoted all his subsequent philosophy.

В области антропологии наблюдение оставалось методом эмпирического исследования, к которому не было альтернатив. На наш взгляд, в случае Канта естественные науки и философская антропология не разошлись настолько далеко. Мы расс-

матриваем кантовские «Наблюдения...» как произведение, отражающее логику формирования нововременных опытных научных стратегий и практик описания результатов эмпирического исследования в контексте становления «империи наблюдения», как ее представляет Л. Дастон (Daston, 2011, p. 83).

Характерно уже само название кантовской работы: наблюдение заявлено здесь не только в качестве способа естественного, большей частью спонтанного созерцания явлений, но в первую очередь как особая форма представления знания в режиме визуализации. Использование в заглавии формы множественного числа существительного «наблюдения» (*Beobachtungen*) подчеркивает не случайный характер опытов, типичный для жанра остроумного эссе, а многократность созерцания объекта, то есть системность организации практики видения, что задает эпистемический тон всему кантовскому тексту. Кант создает не столько публицистическую зарисовку, сколько научную работу, в которой излагаются результаты целенаправленных исследований.

В этом отношении «Наблюдения...» служат примером трансформации научной методологии в Новое время — методологии, восходящей к гносеологическим подходам Декарта, Лейбница и Локка. К середине XVIII в. философы начали осознавать назревшую необходимость синтеза рационалистического и эмпирического течений. «Наблюдения...» Канта стали откликом на эту проблему, попыткой сочетать теоретическую систематизацию с эмпирической точностью. Окончательно этот эпистемологический проект синтеза теоретических построений с данными опыта оформился в трудах Канта критического периода. Сутью этого проекта стало то, что в «сердце философии» была принята теория познания, отличная от наук и служащая для них основанием (Рорти, 1997, с. 97). Реализация указанного проекта выводит на первый план такие установки, как признание наличия базового, неразложимого основания достоверного знания; универсализм в виде ре-

work that reflects the logic of forming modern experimental scientific strategies and practices of describing the results of empirical studies in the context of the emergence of the “Empire of Observation”, to use Lorraine Daston’s words (2011, p. 83).

The very title of Kant’s work speaks volumes: observation is declared not only as the method of natural, for the most part spontaneous, observations of phenomena, but above all as a special form of presenting knowledge in the mode of visualisation. The use of the plural form of the noun ‘observation’ (*Beobachtungen*) implies not casual experiences typical of the witty essay genre, but stresses repeated observations of an object, i.e. systemically organised practices of seeing, which set an epistemological tone to the entire text. Kant presents not a journalistic sketch, but sets forth the results of purposive investigations.

Thus, *Observations* is an example of the transformation of scientific methodology in the modern period, a methodology going back to Descartes, Leibniz and Locke. By the middle of the 18th century philosophers were becoming aware of the need for a synthesis of the rationalist and empirical trends. Kant’s *Observations* was a response to this problem, an attempt to combine theoretical systematisation with empirical precision. The epistemological project of combining theoretical reasoning with empirical data took final shape in Kant’s works of the critical period. The most important thing about this project was that the core of philosophy was becoming the “theory of knowledge, a theory distinct from the sciences because it was their foundation” (Rorty, 1979, p. 132). The project puts in the forefront and centre such principles as the recognition of the basic, indecomposable foundation of true knowledge; universalism in the shape of reduction of knowledge to absolute principles, data of experience and logical forms; representationism, whereby the external

дукции знания к абсолютным началам — опытным данным и логическим формам; репрезентационизм, согласно которому внешний мир в философии как «зеркале природы» предстает копией действительности; строгое различение субъективного и объективного в познании, в суждениях и в практической деятельности.

Наблюдение как особая стратегия в исследовании мира и своеобразный жанр рождается в условиях формирования научного знания, сопровождающегося созданием особого языка, позволяющего не только фиксировать феномены в текстах, но и представлять их читателю наглядным образом. Б. Латур в своем анализе истории развития наук XVII—XVIII вв. показывает, как ученые постепенно переходят от описания простых объектов к более сложным, от фиксации чувственных данных к репрезентации умопостигаемых сущностей, от буквального созерцания природы к рассмотрению печатных записей, фиксирующих результаты этих созерцаний. Латур отмечает, что «у вымысла, даже самого необузданного или самого священного, и у вещей природы, даже самых невзрачных, есть место встречи, общее место, потому что все они опираются на “оптическую согласованность”» (Латур, 2017, с. 108).

Благодаря распространению физико-математических методов познания разум обретает глаза, а культура учится видеть мир (см.: Daston, 2011, p. 85–87). Переноса феномены из естественной обстановки их функционирования в пространство мысли, предметное поле исследования, ученые формируют своеобразный атлас бытия, представляющий собой картографическую энциклопедию, таксономический свод объективных знаний о мире. На подобной карте кружочки, точки, черточки фиксируют напряженную работу человеческой мысли по упорядочению и систематизации разрозненных элементов в единое целое, а считываемые с подобных атласов феномены предстают изучающему их сознанию в качестве постоянных, однородных и согласованных, что позволяет не только адекватно описы-

world is presented as a copy of reality in philosophy, which is “the mirror of nature”; rigorous distinction between the subjective and the objective in knowledge, in judgments and practical activity.

Observation, as a strategy of investigating the world and a genre, is born along with the formation of scientific knowledge and accompanied by the creation of a special language that makes it possible not only to record phenomena in texts, but to present them to the reader in a compelling form. Bruno Latour, in his analysis of the history of science in the seventeenth and eighteenth centuries, shows that scientists gradually switch from describing simple objects to more complicated ones, from recording sensible data to representation of the noumenal world, from direct contemplation of nature to examining printed records of the results of these contemplations. Latour (1986, p. 8) notes that “Fiction — even the wildest or the most sacred — and things of nature — even the lowliest — have a meeting ground, a common place, because they all benefit from the same “optical consistency”.

Thanks to the spread of physical and mathematical methods of cognition, reason develops eyes and culture learns to see the world (cf. Daston, 2011, pp. 85-87). Transferring phenomena from the natural circumstances of their functioning to the mental sphere, the object of study, scientists form their original atlas of being which is a cartographic encyclopedia, a taxonomic compendium of knowledge about the world. On this map the circles, dots and dashes are records of intense work of human thought, aimed at ordering and systematising disparate elements into a single whole, and the phenomena read off such atlases enable the consciousness studying it as constant, homogeneous and consistent to describe adequately and recreate the mechanisms of their interaction and, if nec-

вать и воссоздавать механизмы их взаимодействия, но при необходимости и тасовать, пересобирать представленные взору объекты (см.: Латур, 2017, с. 142). В свете сказанного выше в становлении нововременной научной практики и фиксации данных наблюдения можно указать два центральных направления их трансформации: 1) новые практики перевода невидимого в видимое, ускользающего в постоянное, абстрактного в конкретное; 2) механизмы дисциплинирования взгляда наблюдателя, отработка навыков стандартизации и универсализации, когда исследователь в единичном эмпирическом явлении схватывает и отражает сущность описываемого, собирая и составляя коллекции, фиксируя данные в записных книжках с последующей расшифровкой материалов (см.: Баева, 2019, с. 49–50).

3. Формы авторского повествования в трактате «Наблюдения...»

С первых страниц Кант оговаривается, что не претендует на философские обобщения в анализе «особенностей человеческой природы»: «Сфера наблюдений... особенностей человеческой природы простирается очень далеко и таит в себе еще множество открытий... Здесь я обращаю внимание лишь на некоторые пункты, особенно... выделяющиеся в данной области, и взгляну на них больше глазами наблюдателя, чем философа» (AA 02, S. 205; Кант, 1994, с. 86). В первую очередь фраза примечательна тем, что содержит признание недостаточности имеющихся знаний и предчувствие грядущих открытий. Акцент на отдельных, особо выделяющихся аспектах человеческой природы можно расценивать как отказ от необоснованных гипотез с целью расположить читателя к исследованию естественного хода вещей. По мнению С. М. Шелл, Кант для своих наблюдений выбрал среди всего многообразия чувств те, которые особенно поддаются обобщениям (Shell, 2002, p. 456).

essary, to reshuffle and reassemble the objects presented before our eyes (cf. Latour, 2017, p. 142). In the light of the above-mentioned two central directions of the transformation of modern-day scientific practice and recording of observation data can be identified: new practices of turning the invisible into the visible, the elusive into the constant and the abstract into the concrete; 2) mechanisms of disciplining the observer's vision, development of the habits of standardisation and universalisation, when the researcher captures in a singular empirical phenomenon and reflects the essence of what is described, gathering and arranging collections, fixing data in notebooks with subsequent deciphering of the materials (cf. Baeva, 2019, pp. 49-50).

3. Forms of Author's Narrative in *Observations*

Kant begins his treatise with a caveat that in his analysis of the “peculiarities of human nature” he does not purport to make philosophical generalisations: “The field for observations of [...] peculiarities of human nature is very extensive and still conceals a rich lode for discoveries [...]. For now I will cast my glance only on several places that seem especially to stand out in this region, and even on these more with the eye of an observer than of the philosopher” (GSE, AA 02, p. 207; Kant, 2011, p. 13). The first thing that strikes the reader is the admission that available knowledge is insufficient and that discoveries are in the offing. The emphasis on salient aspects of human nature can be seen as renunciation of ungrounded hypotheses in order to put the reader in the mood for investigating the natural course of things. According to Shell (2002, p. 456), in the diversity of feelings Kant chose for his observations those that especially lend themselves to generalisations.

Стремление опровергнуть догмы, сомнение в авторитетах и критическая проверка оснований принятых традиций — все это характерные черты развития классической науки Нового времени. Кант заявляет свою позицию как позицию наблюдателя, не претендуя на глубину обобщения и широту охвата поля наблюдения. И. Г. Черненко отмечает, что даже поверхностного рассмотрения докритических сочинений Канта достаточно для вывода о том, что во всех них «роль дедуктивно-формальных методов мышления ограничивается в пользу опыта» (Черненко, 2017, с. 116). Кант ищет порядок в феноменах человеческой природы через чувства как ее собственные мерки, доступные непосредственному наблюдению.

Легкий иронический слог эссе позволяет Канту свободно переходить от поверхностного описания явления к широкомасштабным обобщениям и тем самым подводит читателя к вскрытию сущности явлений. Самое заметное, на чем фиксирует внимание читателя Кант, оказывается характерной приметой, посредством которой автор ведет нас к анализу природы исследуемого явления. При этом лексема «природа» появляется в тексте в нескольких значениях: это и порождающая, производящая сила, и основное свойство вещи, и объемный, многогранный объект анализа исследователя — совокупность вещей окружающего мира. Полифоничность терминологии и изменения оптики позволяют автору легко и изящно менять режим наблюдения — анализа — концептуализации, перенаправляя сознание читателя с интеллектуального созерцания конкретного единичного явления на обзор характерной особенности вещи и определение тенденции ее функционирования.

Обещание взглянуть «больше глазами наблюдателя, чем философа» помимо всего прочего также устанавливает особого рода договоренность между автором «Наблюдений...» и читателем о степени доверия к цепи умозаключений и интерпретаций, представленных в тексте. В свете договоренности читатель ожи-

The wish to overturn dogmas, the questioning of authorities and the critical examination of the grounds of established traditions — all these are the hallmarks of the development of modern classical science. Kant declares his position as that of an observer without sweeping generalisations or a broad field of vision. Chernenok (2017, p. 116) notes that even a cursory examination of Kant's pre-critical works warrants the conclusion that in all of them "the role of formal deductive methods of thought is limited in favour of experience". Kant seeks order in the phenomena of human nature through feelings as its own measures accessible to direct observation.

The light and ironic style of the essay enables Kant to move freely from a superficial description of a phenomenon to large-scale generalisations, thus guiding the reader toward discovering the essence of phenomena. Kant draws the reader's attention to characteristic signs that reveal the nature of the phenomenon. It has to be noted that the word "nature" is used in several meanings: it is a generating, producing force, the inherent property of a thing and a multi-faceted object of analysis, the totality of things in the surrounding world. The polyphony of terminology and changing optics enable the author to change the mode from observation to analysis and conceptualisation with ease, redirecting the reader's attention from intellectual contemplation of a concrete singular phenomenon to a review of a characteristic feature of a thing and determining the trend of its functioning.

The promise to look at things "more with the eye of an observer than of the philosopher" establishes, among other things, a kind of understanding between the author and the reader on

дает, что автор возьмет на себя обязательства по производству всецело достоверного дискурса, сопоставимого по достоверности с научным трактатом по физике (Рикёр, 2004, с. 371), в котором вещи описаны такими, какими они есть сами по себе. При этом автор вдобавок к задачам наблюдателя обнаруживать и различать не снимает с себя обязанности по концептуализации и генерализации материала на уровне философии. Тем самым фигура автора «Наблюдений...» оказывается синтетической, что позволяет пишущему совмещать несколько позиций — ученого, философа и... художника.

Схематично очертив фигуру автора-наблюдателя, необходимо зафиксировать и особенности описываемого им объекта. В центре повествования, как уже было сказано выше, находится человек, который рассматривается не просто как биологический вид в отличие от иных живых организмов — Кант пытается воссоздать особенности душевной организации различных психологических типов людей с учетом темперамента, пола, национальности. При этом автор понимает, что результатом собственно наблюдения как научного метода является эмпирическое знание, фокус которого — единичность и изменчивость. Кант осознает, что данные, связанные с единичным и непостоянным, сложно выразить точно и определенно, их проблематично транспонировать в сущностные характеристики предмета.

Смена регистров, стилистические приемы, несколько оправдательных фраз в принципе смогут убедить неискушенную публику, что в результате как бы вскользь брошенного взгляда формируется целостное представление о предмете, но ученых, практикующих наблюдение как метод и апробирующих данные наблюдения в лабораторных условиях эксперимента, убедить в валидности используемых приемов гораздо сложнее. Вполне естественно, что концептуализация и картографирование анатомических или географических объектов достигается значительно легче, чем таксономия национальных характеров. Каким же образом

the degree of trust in the chain of conclusions and interpretations presented in the text. In accordance with this understanding, the reader expects the author to deliver a wholly authentic discourse, as authentic as a scientific treatise on physics (Ricoeur, 2004, p. 263), in which things are described as they are in themselves. In addition to the task of the observer to detect and distinguish, the author does not divest himself of the duty to conceptualise and generalise the material on the philosophical level. Thereby the figure of the author of *Observations* becomes synthetic, combining the positions of a scientist, philosopher and... artist.

After giving a thumbnail sketch of the author/observer it is necessary to define the object. As mentioned above, the human being is at the centre of the narrative. He/she is seen not only as a biological species different from other living organisms. Kant tries to distinguish the mentalities of different psychological types of people depending on their temperaments, gender and nationality. The author is aware that the result of his observation as a scientific method is empirical knowledge focused on singularity and changeability. Kant knows well that the data involving the singular and inconstant are difficult to express accurately and to define and that transposing them into essential characteristics of the object is problematic.

Change of register, stylistic devices, a few explanatory sentences may, in principle, convince unsophisticated readers that a fleeting glance can yield a complete idea about an object, but it is far more difficult to convince scientists of the validity of your approach who practise observation as a method and test the results of observation in laboratory experiments. Needless to say, conceptualisation and mapping of anatomical or geographical objects

Кант справляется с означенными сложностями? Он, как мы видим, начинает с замечания, что выраженное им мнение носит преимущественно частный характер, — незамысловатый, но вполне действенный прием. Более сложным и тонким решением задачи становится смещение ракурса авторской позиции. В тексте «Наблюдений...» перед читателем автор возникает одновременно как ученый, философ и художник, и следует признать: именно третья «ипостась» становится базовым фокусом в тексте «Наблюдений...», что во многом и объясняет сам факт использования эстетической рамки для анализа психологических феноменов.

Наука Нового времени видела свою задачу в систематизации и даже стандартизации как наблюдаемых объектов, так и наблюдающих субъектов, а для гуманитарной науки эта задача в то время осложнялась вдвойне. Сложность состояла (и состоит) в необходимости формулировки нравственных суждений в отношении анализируемого предмета. Научное наблюдение — это процесс серийный, его результатом является фиксация изменчивости объекта, за которой должны просматриваться характерные свойства. Задачу, которую Кант, по сути, решает в «Наблюдениях...», можно изложить следующим образом: в повседневных, рутинных практиках узреть постоянные, существенные признаки предмета, которые возможно было бы, с одной стороны, представить наглядно и объективно, а с другой — отразить посредством воссозданной системы существующего морального порядка.

Составление классификации, типичной для естественных наук, в «Наблюдениях...» в процессе визуализации темпераментов, характеров и поступков для Канта оказывается серьезным вызовом. Несмотря на то что к моменту написания текста статистика как самостоятельная область знания уже существовала, ученым было еще очень далеко до уровня точности современных социологических и естественно-научных исследований сознания и бессознательно, поэтому оптимальным решением для фило-

are much easier than a taxonomy of national characters. How does Kant cope with these difficulties? As we see, he starts by remarking that his opinion is of a particular character — an ingenuous but quite effective move. Shifting the author's angle is a more difficult and sophisticated answer. In the text of *Observations* we perceive the author at once as a scientist, philosopher and an artist and, let us be quite clear, the third “*persona*” is basic to *Obseervations*, which goes a long way to explain the use of the aesthetic framework to analyse psychological phenomena.

The science of the modern period saw its task in systematising and standardising both the objects observed and the observing subjects, a task that was much more difficult for the humanities. The challenge was (and still is) to formulate moral judgments regarding the object being analysed. Scientific observation is a serial process, its result is to fix the changeability of the object behind which can be discerned its characteristics. The task Kant is grappling with in *Observations* can be summed up in the following way: to see in day-to-day routine practices constant and essential properties of the object which can be, on the one hand, presented vividly and objectively and, on the other hand, can be reflected through a recreated system of the existing moral order.

Making a classification typical of the natural sciences in the process of visualising temperaments, characters and actions turns out to be a serious challenge for Kant. Although, by the time the text was written, statistics as an independent area of knowledge already existed, scientists still had a long way to go to attain the accuracy of modern sociological and natural science research into consciousness and the unconscious. This is why for Kant the best solu-

софа оказалось использование в тексте «Наблюдений...» не концептов, а именно *образов*. Это, во-первых, обеспечивает безболезненность перехода по регистрам восприятия (для читателя), во-вторых, открывает возможности применения художественных приемов и, в-третьих, позволяет решать широкий круг проблем не только эпистемологического, но и этического характера.

4. Приемы создания образности в «Наблюдениях...»

При визуализации результатов наблюдений исследователь может использовать два варианта иллюстраций: а) *идеальное* изображение, вбирающее лучшее, совершенное, что есть в наблюдаемом, часто соотносимое с идеальными представлениями; б) *характерное* изображение, отражающее наиболее часто встречающиеся свойства в индивидуальном. Выбор первого варианта отвечает, с точки зрения Канта, замыслам *самой природы*, которая все благородные и прекрасные свойства «редко совмещает в одном человеке и еще реже сообщает их тому, кто может их оценить и, вероятно, был бы достоин обладать ими» (AA 02, S. 239; Кант, 1994, с. 123). Логика описания, с одной стороны, определяется принципом реализма, требующим отражать реалии жизни, с другой — принципом универсализма, предписывающим вскрывать суть предмета, а следовательно, характерное и типичное.

Автор «Наблюдений...» останавливается на втором варианте и идет по пути типизации, итогом которой становится рационализированный образ, служащий для формирования понятия. В рамках этого варианта исключается нетипичное, уникальное. Ярче всего это можно проиллюстрировать примером из третьего раздела «Наблюдений...», где Кант рассуждает о дамах, демонстрировавших в его время интерес, склонность к науке:

tion was to use not concepts, but *images*, which, first, ensures a painless transition between registers of perception (for the reader), second, paves the way for the use of artistic devices and third, makes it possible to tackle a wide range not only of epistemological but also of ethical problems.

4. Methods of Creating Images in *Observations*

In visualising the results of observations the researcher can use two types of illustrations: a) the *ideal* image, which shows all the best and most perfect features of the observed, often matching the ideal; and b) the *characteristic* image, which reflects the most commonly encountered properties of the individual. Kant notes that option a) is limited by the designs of *nature itself* which “rarely unites” all the noble and wonderful properties “in one person and even more rarely offers to one who can treasure her and who would perhaps be worthy of such a possession” (GSE, AA 02, p. 239; Kant, 2011, p. 46). The logic of description, on the one hand, is determined by the principle of realism which demands reflection of the realities of life and, on the other hand, by the principle of universalism which prescribes that the essence of the object, i.e. what is characteristic and typical, be reflected.

The author of *Observations* chooses variant b) and follows the path of typification, arriving at a rationalised image which serves the purpose of creating a concept. The second variant rules out what is untypical and unique. This is best illustrated by the third section of *Obseavations* in which Kant reflects on ladies who in his time showed an interest and an inclination toward science:

...слишком отвлеченные рассуждения (даже если бы женщине удалось в этом достигнуть совершенства) сводят на нет достоинства, присущие женскому полу. Хотя они и способны ввиду их редкости сделать женщину предметом бесстрастного удивления, но они уменьшают силу тех прелестей, благодаря которым женщины имеют такую большую власть над другим полом. Женщине, у которой, как у г-жи Дасье, голова полна греческой премудрости или которая, подобно маркизе Шатле, ведет ученый спор о механике, не хватает для этого только бороды; борода, быть может, еще отчетливее выразила бы глубокомыслие, приобрести которое стремятся такие женщины... Содержание великой науки женщины — скорее всего человек, а среди людей — мужчина. Ее философия не умствования, а чувство. <...> Зато провидение вселило в сердца женщин чувства доброты и благожелательства... (АА 02, S. 229 — 230; Кант, 1994, с. 112 — 113, 115).

Как видим, женщина, интересующаяся наукой, трактуется автором как аномалия, поскольку природа женского заключается в очаровании, что непосредственно связано с «радостью, весельем» и несовместимо с «глубиной», а также способностью оперировать принципами. Казус г-жи Дасье неприемлем для Канта вовсе не потому, что здесь он усматривает посягательство женщин на мужское господство в науке (подобная мысль категорически находится за пределами данного текста), а по той причине, что женщина в науке видится автору нарушением естественного (и социального нормативного) порядка вещей, поэтому и рассценивается как исключение, подтверждающее эпистемологическое требование удерживать фокус на типичном и неизменном.

«Пренебрежения» к индивидуальным признакам следует рассматривать в качестве общего тренда для естественных наук того времени. А поскольку «Наблюдения...» представляют собой попытку апробации естественно-научной методологии для анализа этических и психологических проблем, познание индивидуального приносится в жертву генерализации (Гинзбург, 2004, с. 210): автор с легкостью

[...] painful grubbing, even if a woman could get very far with them, destroy the merits that are proper to her sex, and on account of their rarity may well make her into an object of a cold admiration, but at the same time they will weaken the charms by means of which she exercises her great power over the opposite sex. A woman who has a head full of Greek, like Mme. Dacier, or who conducts thorough disputations about mechanics, like the Marquise du Châtelet, might as well also wear a beard; for that might perhaps better express the mien of depth for which they strive [...]. The content of the great science of woman is rather the human being, and, among human beings, the man. Her philosophical wisdom is not reasoning but sentiment. [...] [instead], providence has implanted goodly and benevolent sentiments in their bosom (GSE, AA 02, pp. 229-230; Kant, 2011, pp. 36-39)

We see that the author regards a woman who is interested in science as an anomaly because femininity consists in charm which is associated with “joy” and “merriment” and is incompatible with “depth” and the ability to deal with principles. Kant considers the case of Mme. Dacier to be unacceptable, not because he sees it is a female challenge to male dominance in science (such an idea is categorically beyond the boundaries of this text), but because he sees the woman in science as a violation of the natural (and social) order of things and is regarded as an exception that confirms the epistemological requirement of focusing on the typical and the immutable.

“Neglect” of individual properties should be seen as the prevailing trend in the natural science of the time. Because *Observations* is an attempt to apply the methodology of natural sciences to the analysis of ethical and psychological problems, the knowledge of the individual is sacrificed in favour of generalisation (Ginzburg, 2004, p. 210): the author is all too ready to skip the individual, believing that sci-

выражает готовность пройти мимо индивидуального, поскольку считает, что требование соблюдения научности выражается в исследовании не аномальных явлений, а именно регулярных закономерностей.

Рассмотрим еще один пример из третьего раздела:

Добродетель женщины есть *прекрасная добродетель*. Добродетель мужского пола есть *добродетель благородная*. Женщины избегают дурного не потому, что оно несправедливо, а потому, что оно безобразно, и добродетельными для них будут поступки нравственно прекрасные. Никакого «должно», никакого «надо», никакой обязанности, никаких приказаний, никакого сурового принуждения женщина не терпит (AA 02, S. 231; Кант, 1994, с. 114–115).

Данная цитата свидетельствует о нескольких моментах. Во-первых, этот пример дает представление о том, как эстетические категории, имеющие четкую эмпирическую основу, могут становиться средством описания умопостижимого, в данном случае — этического; во-вторых, тезис демонстрирует реализацию принципа генерализации, поглощающего любые отклонения и аномалии³, и, в-третьих, показывает, каким образом срабатывает принцип бинарности. Причем для запуска последнего принципа — что отражает цитата — не требуется детального прописывания обоих рядов. Эта черта скорее относится к особенностям художественных текстов, чаще использующих ассоциативные связи, нежели логические цепочки.

Третий раздел «Наблюдений...» («О различии возвышенного и прекрасного у муж-

ence is about research into regularities and not anomalies.

Let us look at another example from the third section:

The virtue of the woman is a beautiful virtue. That of the male sex ought to be a noble virtue. Women will avoid evil not because it is unjust but because it is ugly, and for them virtuous actions mean those that are ethically beautiful. Nothing of ought, nothing of must, nothing of obligation. To a woman anything by way of orders and sullen compulsion is insufferable (GSE, AA 02, p. 231; Kant, 2011, p. 39).

The above quotation brings out several things. First, the example gives us an idea of how aesthetic categories anchored in empirical reality can become an instrument for describing the noumenal world, in this case, the ethical; secondly, the thesis demonstrates realisation of the principle of generalisation which subsumes any deviations and anomalies³, and, third, it shows the workings of the binary principle. And the launch of the third principle, as the quotation shows, does not require a detailing of both ranges. This feature is more typical of fictional texts which tend to rely more on associative links than on logical sequences.

The third section of *Observations* (“On the difference between the sublime and the beautiful in the contrast between the two sexes”) is based on a detailed description of the female nature, with the male mentioned in passing by comparison with the female or as a point

³ Этот пример демонстрирует использование художественных приемов, работающих на концептуализацию: ряды однородных членов и восходящая градация создают эмоциональное напряжение и тем самым усиливают впечатление своеобразного характера «добродетели женщины». То, что Кант описывает как основания поступков прекрасной половины человечества, находится за границами региона «должного», выводится в область эстетики, благодаря чему возникает оксюморон «добродетель женщины» / «женская мораль».

³ This example demonstrates the use of artistic devices contributing to conceptualisation: sequences of homogeneous members and an ascending scale create emotional tension and intensify the impression of the original character of “female virtue.” What Kant describes as grounds for the actions of the fair sex is outside the boundaries of “the ought” and is brought into the domain of aesthetics, creating an oxymoron “female virtue” / “female morality.”

чин и женщин») построен на подробном описании женской природы, где мужское дается вскользь либо в плане сравнения с женским, либо в качестве отправной точки описания общей характеристики человеческой природы. Сам автор оговаривается: «Я надеюсь, что от меня не потребуют перечисления свойств мужчин, поскольку они аналогичны упомянутым свойствам женщин» (AA 02, S. 229; Кант, 1994, с. 112). Однако описание мужчин и женщин, как, впрочем, и типов темпераментов, и национальных характеров, то есть все повествование, построено по принципу сопоставления и различения, а не аналогии. Как и в других разделах трактата, где Кант пытается составить типологии, мужское и женское образуют отдельные конкретные модусы свойств человечества, и указание на «сопоставление» по некой аналогии подразумевает бинарную оппозицию. Кант дает описание одной составляющей из пары, предоставляя читателю самостоятельно додумать, какими — противоположными — свойствами обладает вторая составляющая. Кант неоднократно предьявляет читателю нечто вроде сокращенных умозаключений с пропущенными посылками, побуждая разворачивать их самостоятельно, и всегда при этом оставляет «подушку безопасности», предохраняющую от того, чтобы слишком далеко уйти от направления мысли, которое он задает как автор. Одним из примеров подстава, говоря хайдеггеровским языком, является суждение: «...недостаточно представлять себе, что имеешь перед собой людей; нужно не упускать из виду еще и то, что это люди разного рода» (AA 02, S. 228; Кант, 1994, с. 111). Такое указание служит как бы переключателем в режим критического осмысления прочитанного, которое для читателя второй половины XVIII столетия, скорее всего, было гораздо менее привычно, чем для современного читателя.

При рассмотрении своеобразия «Наблюдений...» нельзя обойти стороной и стилистиче-

of departure in describing the general characteristics of human nature. The author himself sees fit to make this reservation: “I hope I will be spared the enumeration of the male qualities to the extent that they are parallel with the former” (GSE, AA 02, p. 229; Kant, 2011, p. 36). However, the description of men and women, as indeed the types of temperament and national characters — and the whole narrative — is based on comparison and differentiation and not on analogy. As in other sections of his treatise, where Kant tries to make typologies, the male and the female form distinct concrete bodies of human properties and the reference to ‘comparison’ by analogy implies binary opposition. Kant describes one part of a pair leaving it to the reader to fill in the properties of the second part. Kant repeatedly offers the reader something like compressed conclusions with missing premises, inviting the reader to complete them independently while always leaving a “safety bag” to prevent the reader from straying too far from the author’s line of thought. One example of “sub-stitute”, to use Heideggerian language, is the proposition: “[...] it is here not enough to represent that one has human beings before one: one must also not forget that these human beings are not all of the same sort” (GSE, AA 02, p. 228; Kant, 2011, p. 35). The proposition turns the switch, as it were, to the mode of critical interpretation of what has been read, which was most likely less common for the readers in the second half of the eighteenth century than for the modern reader.

In considering the originality of *Observations* one cannot bypass the stylistic features of the text. The author uses the present tense. Let us cite an example from the second section in which Kant describes the classification of temperaments:

ское оформления текста. Описание сущего осуществляется автором с использованием грамматических категорий настоящего времени. Приведем пример из второго раздела, где Кант описывает классификацию темпераментов:

Тот, чье чувство приобретает *меланхолический* характер, не потому называется меланхоликом, что, лишенный радостей жизни, он терзается в мрачной тоске, а потому, что его ощущения, если они усиливаются сверх определенной степени или по каким-то причинам принимают ложное направление, легче приводят к такому, а не какому-либо другому состоянию [духа]. Такой человек больше всего обладает *чувством возвышенного* (AA 02, S. 220; Кант, 1994, с. 101).

А вот иллюстрация из третьего раздела, посвященного описанию добродетелей мужчин и женщин: «Чтобы быть как можно дальше от всех этих отвратительных черт, нужна *чистота*; она, правда, приличествует всем, но у прекрасного пола приобретает значение первейшей добродетели и вряд ли можно говорить здесь о чересчур высокой степени, хотя у мужчин она иногда бывает чрезмерной и тогда становится нелепой» (AA 02, S. 234; Кант, 1994, с. 117). Эти два произвольно взятых отрывка дают нам представление о синтаксических структурах «Наблюдений...». Как мы отметили выше, репрезентация осуществляется в форме настоящего времени, но в перспективе желательного для автора воздействия: реконструкцию каркаса эстетического или психологического феномена автор сопровождает морально-этическими оценками.

При переходе к ценностно-нормативным суждениям происходит и изменение риторики: от описательно-повествовательных конструкций с преобладанием грамматических маркеров 1-го и 3-го лица с обилием фигур речи (от метафоры до иронии) к преимущественно односоставным (безличным и обобщенно-личным) предложениям императивного, прескриптивного характера:

He whose feeling tends towards the melancholic is so called not because, robbed of the joys of life, he worries himself into blackest dejection, but because his sentiments, if they were to be increased above a certain degree or to take a false direction through some causes, would more readily result in that than in some other condition. He has above all a *feeling for the sublime* (GSE, AA 02, p. 220; Kant, 2011, p. 27).

And here is an illustration from the third section devoted to the description of the male and female virtues: “To distance oneself as far as possible from this sort of disgustingness takes *purity*, which is indeed becoming for every person, and which in the case of the fair sex is of the first rank among the virtues and can hardly be taken too far by it, although in the case of a man it can sometimes be exaggerated and then becomes ridiculous” (GSE, AA 02, p. 234; Kant, 2011, p. 41). These two randomly chosen extracts give us an idea of the syntactic structures used in *Observations*. As noted above, representation is in the present tense, but with an eye to producing the desired impact on the reader: he accompanies the reconstruction of the frame of aesthetic and psychological phenomena with moral and ethical assessments.

The switch to value-normative judgments is accompanied by a change of rhetoric: descriptive narrative structures with first- and third-person grammatical markers and profusion of figures of speech (from metaphor to irony) give way to mainly one-member (impersonal and generalised-personal) sentences of an imperative, prescriptive character:

[...] each sex will unite both [beauty and nobility], but in such a way that in a woman all other merits should only be united so as to emphasize the character of the *beautiful*, [...] while by contrast among the male qualities the *sublime* should clearly stand out as the criterion

...каждый пол сочетает [красоту и благородство], однако у женщины все другие достоинства соединяются лишь для усиления в ней характера прекрасного... тогда как среди мужских свойств возвышенное отчетливо выделяется как отличительный признак пола. Это надо принять во внимание, когда судят о представителях того или другого пола — все равно, хвалят ли их или порицают; всякое воспитание и наставление должно постоянно иметь в виду это различие... чтобы содействовать нравственному совершенству того или другого [пола], если только не желают сделать незаметным яркое различие... (AA 02, S. 228; Кант, 1994, с. 111).

Этот пример показывает, что текст фактически содержит два типа семантико-стилистических конструкций: 1) описательные, приглашающие читателя к диалогу и совместному размышлению над социальными явлениями и процессами; 2) нормативные, особенностью которых является монологичность и директивность изложения. Движение повествования между этими конструкциями, перспективами и модальностями — от описания к нормированию, от единичного факта к всеобщему и универсальному смыслу — можно принять за своеобразный механизм переключения режимов повествования и, как следствие, сознания читателя. Стилистическая и когнитивная легитимность переходов обеспечивается использованием прошедшего времени, которое вдобавок воссоздает недостающий момент временной определенности. Так, в частности, когда возникает необходимость сделать отсылку к природе как фундаментальному (читаем: предельному) основанию социального, практикуется использование форм прошедшего времени («которое природа хотела провести между ними [полами]» (AA 02, S. 228; Кант, 1994, с. 111)).

В тексте четко просматривается еще один прием смены регистра в рамках коммуникативной пары «автор — читатель». Это использование в тексте «Наблюдений...» практики перехода внутри местоименной пары «я — мы»

of his kind. To this must refer all judgments of these two genders, those of praise as well as those of blame. All education and instruction must keep this before it, and likewise all effort to promote the ethical perfection of the one or the other, unless one would make unrecognizable the charming difference [...] (GSE, AA 02, p. 228; Kant, 2011, p. 35).

In this example the text in fact contains two types of semantic-stylistic structures: 1) descriptive ones which invite the reader to a dialogue and joint reflection on social phenomena and processes and 2) normative ones which look like monologues and directives. The movement of the narrative between these structures, perspectives and modalities — from description to norm-setting, from a single fact to general and universal meanings — can be seen as a mechanism of switching narrative modes and hence the reader's attention. The stylistic and cognitive legitimacy of the transitions is ensured by the use of the past tense, which simultaneously brings back a sense of temporal certainty. Thus, the past tense is used when a reference is made to nature as the fundamental (ultimate) foundation of the social ("that nature sought to establish between the two human genders" — GSE, AA 02, p. 228; Kant, 2011, p. 35).

The text clearly reveals yet another device of change of register within the communicative pair "author-reader." It is the practice of transition within the pronoun pair "I-we" ("my-ours"). Kant more often than not uses the pronoun "I" where he cites facts, i.e. works with empirical material ("I will only provide an example", "I will call the first", "I continue with my comments") or enunciates propositions that need further study ("I believe", "I touch only fleetingly", "I have great authorities [...] on my side"). He resorts mainly to the pronoun "we" ("our") to a) present a chain

(«мой — наш»). Там, где Кант приводит факты, то есть работает с эмпирическим материалом («я приведу только один пример...», «первое я бы хотел назвать...», «я продолжу свои замечания...») или высказывает положения, нуждающиеся в дополнительных исследованиях («я полагаю...», «я лишь бегло коснусь...», «я могу сослаться...»), он преимущественно использует местоимение «я». Обращение к «мы» («наш») практикуется преимущественно там, где а) строится цепь умозаключений (например, «Чтобы первое из упомянутых здесь впечатлений имело надлежащую силу, мы должны обладать...»); б) речь идет об общепринятых положениях («Мы видим... что некоторую тонкость чувства ставят человеку в заслугу»); в) фиксируются характеристики мужского пола («Мы же могли притязать на звание благородного пола...»); г) осуществляется выход на собственно исследовательский уровень («...наша задача — высказать... соображения по поводу чувств...»). Тем самым, с одной стороны, достигается семантико-синтаксическая монолитность текста; с другой — обеспечивается вовлечение читателя, что не только легитимирует выводы, к которым подводит автор, но и усиливает и закрепляет достоверность изображаемого: третий и четвертый разделы повествуют о феноменах, свидетелем которых на основе общих всем людям задатков и при должном уровне развития наблюдательности может стать каждый. Собственно, на этом основании Кант выстраивает тезисы, изложенные в трактате, что подтверждает фраза преамбулы: «Различные ощущения приятного и неприятного основываются не столько на свойстве внешних вещей, возбуждающих эти ощущения, сколько на присущем каждому человеку чувстве удовольствия или неудовольствия от этого возбуждения» (AA 02, S. 207; Кант, 1994, с. 86).

Структуру текста «Наблюдений...» можно представить в качестве трехступенчатой композиции: описание феномена самого по себе

of inferences (“For the former to make its impression on us in its proper strength, we must have...”); b) refer to generally accepted truths (“We also see that a certain fineness of feeling counts toward a person’s merit”); c) refer to the characteristics of the male sex (“we could lay claim to the designation of the noble sex”); d) refer to the author as researcher (“Since our aim is to judge of sentiments”). Thereby, on the one hand, semantic and syntactic unity of the text is achieved; on the other hand, the reader becomes involved, which legitimises the author’s conclusions and reinforces the authenticity of what is depicted: the third and fourth sections speak about phenomena which, given general human faculties and a certain level of observation, anyone can witness. These are the grounds on which Kant builds his theses, as proved by the sentence in the preamble: “The different sentiments of gratification or vexation rest not so much on the constitution of the external things that arouse them as on the feeling, intrinsic to every person, of being touched by them with pleasure or displeasure” (GSE, AA 02, p. 207; Kant, 2011, p. 13).

The structure of the text of *Observations* can be presented as a three-stage composition: description of the phenomenon in itself (presentation of the phenomenon as an object — author’s vision), its depiction in the context of social practices (actualisation of the reader’s experience) and the final stage of the author’s delivering a value judgment on behalf of the social whole (the wording shifts the semantic-grammatical layers to reveal the temporal and meaning perspective). Such technique, especially the frequent switch to the pronoun “we”, arguably shows that Kant purports to express social consciousness: the images that crop up on the pages of *Observations* are the result of collective reflection that clearly tends to bring what is to what ought to be. The author is not con-

(представление феномена как объекта — авторское видение), изображение его в контексте социальных практик (актуализация опыта читателя) и завершающий этап — оценочное суждение (формулировки даются на основании смещения семантико-грамматических пластов для очерчивания временной и смысловой перспективы), которое выносится автором от имени социального целого. Подобная техника, особенно с учетом частоты перехода на местоимение «мы», свидетельствует, по нашему мнению, о том, что Кант позиционирует себя выразителем общественного сознания: образы, возникающие на страницах «Наблюдений...», — результат коллективной рефлексии с явственно обозначенной тенденцией приведения сущего к должному. Автор не останавливается на констатации повторяющегося и типичного, а, производя наложение типичного на идеальное (социальный идеал), очерчивает перспективу развития социальных практик, давая своего рода рекомендации и даже предписания. Так, например, в отношении воспитания женщин Кант пишет: чтобы развить прекрасную природу женщин, «надо стремиться развить все их моральное чувство в целом, а не их память... Недопустимо бесстрастное и умозрительное обучение, больше переживаний и притом тех, что близки ее полу» (AA 02, S. 231; Кант, 1994, с. 113–114).

5. Принципы и механизмы достижения объективности

Несмотря на то что в тексте «Наблюдений...» используются вышеупомянутые приемы подкрепления и усиления достоверности и объективности в стиле изложения, Кант во время аргументации почти не заботится о собственно доказательной базе, приличествующей философским произведениям. Очень мало (примерно по паре фактов на раздел) конкретных иллюстраций и примеров из социальных практик. При этом он почти не обращается к фак-

tent with stating what is repeated and typical and, superimposing the typical on the ideal (the social ideal), outlines the perspective of the development of social practices, giving recommendations and sometimes prescriptions. This is what he writes, for example, about the education of the beautiful nature of women: “One will seek to broaden her entire moral feeling and not her memory [...]. Never a cold and speculative instruction, always sentiments and indeed those that remain as close as possible to the relationships of their sex” (GSE, AA 02, p. 231; Kant, 2011, p. 38).

5. Principles and Mechanisms of Achieving Objectivity

Although Kant uses the above-mentioned stylistic devices in the text of *Observations* to reinforce and enhance the authenticity and objectivity of the narrative, he hardly bothers to provide arguments, as would befit a philosophical work. Concrete illustrations and examples of social practices are few and far between (about a couple per chapter). Kant barely cites any facts and proceeds at once to describe trends and regularities. There are very few extended logical structures and almost no references to various authorities: the church, the scientific and philosophical communities (although the text is replete with oblique quotes from Aristotle, Locke, Burke, Luther, Rousseau and others). The only reference in all the four chapters is to nature, but then its presence in the text is fundamental: nature as a producing force crowns the reflection stage in the representation of any object. Kant does not in fact articulate the problem of objectivity, using instead the concept of obviousness. He is often content to simply *see* (with the eyes) and depict what the reader can see every day.

там, а сразу переходит к описанию тенденций, если не закономерностей. Редко встречаются в тексте и развернутые логические построения, практически отсутствуют ссылки на различного рода инстанции: церковь, научное или философское сообщества (хотя присутствие скрытых цитат из Аристотеля, Локка, Бёрка, Лютера, Руссо и др. ощущается на протяжении всего текста). Единственная отсылка, повторяющаяся во всех четырех разделах, — это отсылка к природе, но присутствие ее в тексте фундаментально: она (природа как производящая сила) венчает собой рефлексивную стадию репрезентации любого объекта. Кант фактически не артикулирует проблему объективности — она решается им с помощью концепта очевидности. Автору зачастую достаточно просто *видеть* (очаами) — и изобразить то, что может стать предметом повседневного видения читателя.

Эффект достоверности «Наблюдений...» достигается техникой «по-ставления перед глазами» с целью умозрительно открыть то, что в каждом случае способно убедить (см.: Рикёр, 2004, с. 83). В «Наблюдениях...» не просто реконструирован опыт повседневности Пруссии середины XVIII столетия — здесь представлены картины жизни эпохи, можно даже сказать, эпические картины, благодаря чему «зримость» образов (мужчин, женщин, представителей различных наций, этнических групп и психологических типов) восполняется воображаемым. Данный текст благодаря стилистическим и художественным приемам, обеспечивающим динамичность изложения материала и вызывающим эмоциональный отклик, вовлекает читателя в совместное создание нарратива. Готовность наблюдателя пройти мимо индивидуального и случайного прямо пропорциональна его эмоциональной отстраненности. Эмоциональность и живость повествования здесь становятся своеобразными аргументами в пользу достоверности. Фактически текст строится в соответствии с методологической установкой на «демонстративную истинность», которая заключается в том, что «теоретические аргументы и понятия

The effect of authenticity in *Observations* is attained by “placing the object before the eyes” in order to discover notionally what can persuade in each specific case (cf. Ricoeur, 2004, p. 263). *Observations* does not just reconstruct the daily experience of living in Prussia in the mid-eighteenth century, but offer period pictures of life, one might even say epic pictures, such that the pictures of men, women, members of various nations, ethnic groups and psychological types are enhanced by imagination. Owing to dynamic, stylistic and artistic devices the text evokes an emotional response and involves the reader in joint creation of the narrative. The observer’s readiness to ignore the individual and accidental is directly proportional to his emotional detachment. Emotional and lively narrative bolsters the argument, as it were. In fact the text proceeds from the methodological principle of “demonstrative truth,” meaning that “theoretical arguments and concepts must lend themselves to visual realisation” (Chernenok, 2005, p. 158).

It is not by chance that Kant chooses the scale “beautiful — sublime” as the framework to characterise the moral and psychological properties of human nature throughout his treatise: aesthetic distortions in visualising noumena meet with a minimum of suspicion, as noted by Daston (2011, p. 91). Universality of description in the eighteenth century was achieved through the idealised portrayal of the object. The true was a hybrid of idealisation and naturalisation. On the one hand, craftsmanship consisted in the unique portrayal of what manifested itself in multiple ways (it was assumed that an investigator’s practised eye, unlike that of a lay person, could capture “the project of great nature”). On the other hand, the singular, if aesthetically presented, was an instrument of visualising the perfect. Abstractness, beauty and immaculateness were considered to be the attributes of objectivity.

должны предусматривать возможность своей наглядной реализации» (Черненко, 2005, с. 158).

Шкала соотнесения «прекрасное — возвышенное» отнюдь не случайно была выбрана Кантом для общей рамочной характеристики моральных и психологических свойств человеческой природы во всем трактате: эстетические искажения в визуализации умопостигаемого вызывают минимум подозрения, как отмечает Л. Дастон (Daston, 2011, p. 91). Универсальность описания в XVIII столетии достигалась через идеализированное изображение объекта. Истинное становилось гибридом идеализации и натурализации. С одной стороны, мастерство заключалось в том, чтобы запечатлеть в единичном изображении то, что проявлялось во многом (считалось, что опытный взгляд исследователя в отличие от обывательского глаза может охватить «план великой природы»). С другой — единичное, оформленное эстетически, оказывалось инструментом визуализации совершенного. Атрибутом объективности считалась абстрактность, красота и безупречность изображаемого, а не буквальность. Кант сочетает оба этих подхода, например в следующем высказывании: «...различные группы [людей] составляют картину превосходной выразительности, где среди большого многообразия проявляется единство и вся моральная природа в целом проникнута красотой и достоинством» (AA 02, S. 227; Кант, 1994, с. 110). В искусстве генерализации проявляется, помимо всего прочего, владение механизмом саморефлексии, на основе которой возможно развитие субъект-объектной семантики, определяющей процессы систематизации и объективации в гносеологии и науке Нового времени⁴. По мнению М. Е. Соболевой, натренированный взгляд при укреплении субъект-объектной парадигмы позволял Канту как исследователю сохранять ме-

Kant combines both these approaches, for example, in the following passage: “the different groups unite themselves in a painting of magnificent expression, where in the midst of great variety unity shines forth, and the whole of moral nature displays beauty and dignity” (GSE, AA 02, p. 227; Kant, 2011, p. 34). The art of generalisation depends, among other things, on command of the mechanism of self-reflection which can provide the basis of subject-object semantics, which in turn determines the processes of systematisation and objectification in the epistemology and science of the modern period.⁴ In the opinion of Maja Soboleva, Kant’s trained eye, in strengthening the subject-object paradigm, enabled him to keep a methodological distance from the object of cognition and, in passing on from a part to the whole, to capture the essential, immutable characteristics of a thing (cf. Soboleva, 2018).

The problem of forming a clearly defined point of view and ordered methodology is directly related to the question of how the researcher selects the objects of study and how truthful her descriptions are. Let us cite a couple of examples from the second chapter, “On the properties of the sublime and the beautiful in man in general”. In Kant’s view, the perfect type of human nature, ideally combining the sublime and the beautiful, is the melancholic personality, which is why he pays special attention to describing this type:

He is a good guardian of his own secrets and those of others [...] he hates lies or dissemblance. He has a lofty feeling for the dignity of human nature. He esteems himself and holds a human being to be a creature who deserves respect. He does not tolerate object submissiveness and

⁴ Анализируемый трактат может представлять интерес для исследователей наследия Канта по вопросу о нефаллибильном характере знания. Несмотря на тот факт, что Кант в «Наблюдениях...» часто пользуется картезианским принципом от 1-го лица, сама позиция исследователя ментальных состояний оказывается (на период 1760-х гг.) еще не оторефлексированной.

⁴ The treatise we are discussing here may be of interest to those who study Kant’s legacy on the question of the infallible character of knowledge. Although Kant in *Observations* often refers to the Cartesian principle in the first person his position of a student of mental states had not yet been formulated as of the period of the 1760s.

тодологическую дистанцию с предметом познания и, осуществляя переход от части к целому, фиксировать сущностные, неизменные характеристики вещи (см.: Соболева, 2018).

Проблема формирования ясно определенной точки зрения и упорядоченной методологии напрямую сопряжена с вопросом о том, каким образом исследователь отбирает изображаемые им объекты и насколько достоверны их описания. Приведем пару примеров из второго раздела «О свойствах возвышенного и прекрасного у человека вообще». Совершенным типом человеческой природы, идеально сочетающим в себе возвышенное и прекрасное, с точки зрения Канта, является меланхолик, поэтому описанию данного типа уделяется максимум внимания:

Меланхолик хорошо хранит свои и чужие тайны... ненавидит ложь и притворство. У него глубокое чувство человеческого достоинства. Он знает себе цену и считает человека существом, заслуживающим уважения. Никакой подлой покорности он не терпит, и его благородство дышит свободой. Все цепи — от позолоченных... до тяжелых железных цепей рабов на галерах — внушают ему отвращение... (AA 02, S. 221; Кант, 1994, с. 103).

Список достоинств меланхолика занимает почти две страницы текста «Наблюдений...», а вот флегматику не повезло: «Так как в *флегматическом сочетании* никакие ингредиенты возвышенного или прекрасного обычно не встречаются в особо заметной степени, то этот душевный склад и не станет предметом наших рассуждений» (AA 02, S. 224; Кант, 1994, с. 106).

Таким образом, психологические типы описываются исключительно в свете «сочетаний ингредиентов прекрасного и возвышенного», без учета иных факторов. Однако именно исходный «чувственный» инструментарий оказывается селекционным механизмом, определяющим, что входит в поле зрения наблюдателя, а что нет. Эстетическая рамка оформляет описываемые феномены, отшлифовывая их

breathes freedom in a noble breast. All shackles, from the golden ones [...] to the heavy irons of the galley-slave, are abominable to him (GSE, AA 02, p. 221; Kant, 2011, p. 28).

The list of the melancholic person's virtues occupies almost two pages of the text of *Observations*. The phlegmatic personality is less lucky: "Since in the phlegmatic mixture there are ordinarily no ingredients of the sublime or the beautiful in any particularly noticeable degree, his quality of mind does not belong in the context of our considerations" (GSE, AA 02, p. 224; Kant, 2011, p. 31).

Thus the psychological types are described exclusively in light of the "combination of the ingredients of the beautiful and the sublime." However, the selection mechanism that determines what is and what is not within the observer's field of vision is the original "sensible" apparatus. Aesthetics frames the phenomena described, polishing them to perfection and elevating them to the status of an idea. As a result, the beauty and harmony of what is depicted, including the forms of presentation, contribute to the accuracy of the description and to the perception of the object. The reverse side of the "discipline of vision" is inability to see what contradicts the frame used. This entirely corresponds to the concept of "objective view", namely: the result of the historically formed mode of vision determined by the development of scientific technologies, value paradigms and limitations of "scientific selfhood and collectively shared empiricism" (Baeva, 2019, p. 58). In other words, an experienced researcher sees what has been determined by the angle of collective vision and is under the influence of the latter. This explains why Kant's *Observations*, for all the abstract clarity and stylistic precision, lacks empirical details and the images are drawn with sweeping strokes, with no regard for the whole palette of individual features.

до совершенства и доводя до состояния идеи. В итоге красота, гармоничность изображаемого, в том числе и формы подачи, работают и на достижение точности описания объекта, и на его восприятие. Обратной стороной «дисциплинированности зрения» оказывается неспособность видеть то, что противоречит использованной рамке. Этот момент всецело отражает содержание понятия «объективный взгляд» — «результат исторически сформированного определенного способа видения», обусловленного развитием научных технологий, ценностных парадигм, ограничением «научных самостей и коллективно разделяемым эмпиризмом» (Баева, 2019, с. 58). То есть опытный исследователь видит то, что определено ракурсом рассмотрения коллективного созерцания, оказываясь под влиянием последнего. Это позволяет понять, почему у Канта в «Наблюдениях...» при всей абстрактной четкости и стилистической точности отсутствуют детали эмпирического содержания, а образы обозначены крупными мазками, без учета всей палитры индивидуальных особенностей.

Поскольку все характеристики, представленные в «Наблюдениях...», трактуются как неизменные, в качестве природной данности, то по завершении чтения перед нами возникает готовая таксономия человеческих типов по основанию: а) темперамент (4 позиции), б) пол (2 позиции), в) национальность (4 основных — французы, испанцы, англичане, немцы — и несколько «дополнительных»). Внутри позиций описания даны четко и категорично. Принимая во внимание опору на данные опыта, получаем стройную схему, которая в период жизни Канта (до появления экспериментальной психологии и позитивизма, распространивших количественные методы на гуманитарные науки) оказывается вполне пригодной для классификации свойств человеческой природы и характера.

Такого рода таксономические проекты возникали не только в силу господства естествен-

Because all the characterisations in *Observations* are assumed to be immutable natural givens, after finishing the reading we are left with a ready taxonomy of human types based on: a) temperament (4 positions), b) sex (2 positions), c) nationality (4 principal ones — French, Spanish, English, German — and several “additional” ones). Descriptions within each position are clear-cut and categorical. Taking into account that the scheme is based on experience, we get a neat scheme which during Kant’s lifetime (before the advent of experimental psychology and Positivism which spread quantitative methods to the human sciences) turns out to be quite usable for the classification of the properties of human nature and character. Such taxonomic projects were prompted not only by the dominance of the natural science paradigm, but also by the entrenchment of the thesis about the special status of scientific knowledge in society. The idea of the usefulness of knowledge, going back to the works of Francis Bacon, became a beacon which threw light on the interaction between theoretical and applied research (cf.: Foucault, 1978; Daston, 2011; Gavrilenko, 2017; Baecker, 2013).

The observer Kant introduces to the reader sticks to facts, selects them, sifts away all the accidental things, interprets and generalises the data to exhibit them in the format of objects so that the beholder can see their characteristic features and principles of functioning. An ideal variant of scientific research in the modern period is observation coupled with experimental verification. Unlike the thought experiment, an experiment in the field of anthropology is an extremely difficult procedure. If an object has been identified, an experienced researcher can easily reassemble the components by putting them together or superimposing them on one another. The text of *Observations* demonstrates the use of some devices from this set:

но-научной парадигмы, но и в связи с укоренением тезиса об особом статусе научного знания в обществе. Идея полезности знания, восходящая к работам Ф. Бэкона, стала ориентиром, поддерживающим взаимодействие теоретических и прикладных исследований (см. об этом: Фуко, 2015; Daston, 2011; Гавриленко, 2017; Baecker, 2013).

Кант представляет читателю наблюдателя, который твердо придерживается фактов, занимается их отбором, отсеивает случайное, интерпретирует и обобщает полученные данные с целью экспонировать их в формате объектов, чтобы зритель смог увидеть их характерные особенности и принципы функционирования. Идеальный вариант научного исследования в Новое время — это наблюдение в сопряжении с экспериментальной проверкой. В области антропологии осуществление реального эксперимента — процедура крайне затруднительная, в отличие от эксперимента мыслительного. Если удалось выявить объект, то опытному исследователю уже не составит труда пересобрать составные части, сдвинув и наложив их друг на друга. Текст «Наблюдений...» демонстрирует применение некоторых средств из этого набора: эстетическое экстраполируется на этическое, телесные характеристики — на феномены сознания. Пространством демонстрации экспонатов на протяжении всего текста выступает «великая арена [жизни]» (AA 02, S. 227; Кант, 1994, с. 110), где реализуется план «великой природы», куда читателя-зрителя приглашает автор-наблюдатель Иммануил Кант для того, чтобы сделать шаг от зримого в умопостигаемое, от эстетического в интеллигильное. Природа у Канта выступает высшей апелляционной инстанцией и для искусства, и для науки: «Ничто так не противоречит всем искусствам и наукам, как вкус к причудливому: этот вкус извращает природу — прообраз всего прекрасного и благородного» (AA 02, S. 245; Кант, 1994, с. 130). А в случае отклонений в поведении объектов от заданного плана «приро-

the aesthetic is extrapolated to the ethical, bodily characteristics to the phenomena of consciousness. Throughout the text the exhibits are demonstrated on “the great stage” of life (GSE, AA 02, p. 227; Kant, 2011, p. 34), on which great nature’s grand plan is demonstrated and to which the author/observer Immanuel Kant invites his audience in order to take a step from the visible to the noumenal, from the aesthetic to the intelligible. For Kant nature is the highest court of appeal both for art and science: “Nothing can be more opposed to all the arts and sciences than an adventurous taste, since this distorts nature, which is the prototype of everything beautiful and noble” (GSE, AA 02, p. 245; Kant, 2011, p. 51). If the behaviour of objects deviates from the original plan “nature still always seeks to return to its proper order” (GSE, AA 02, p. 241; Kant, 2011, p. 48). Thus the criterion of the exhibit is nature and not the researcher, though one should not forget that in the modern period nature itself is a model cleansed of what is anomalous and accidental and constructed by an insightful and competent observer.

6. Conclusion

We have examined Kant’s treatise *Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime* as a kind of epistemological semantic-structural phenomenon generated by the natural science paradigm, on the one hand, and by the political context, on the other hand. Kant did not only foreshadow “the turn from reason to feelings” but managed to contribute to creating the conditions for this turn by accumulating and developing the experience of English sensualists and Rousseau in analysing the aesthetic taste and the moral nature of the human being. The results of the research reported in *Observations* have definite outcomes for the level of social

да всегда стремится вернуть их в естественное состояние» (АА 02, S. 241; Кант, 1994, с. 125). Тем самым природа, а не исследователь выступает критерием экспонируемого, однако не следует забывать, что и сама природа в Новое время становится моделью, вычищенной от аномального и случайного и сконструированной прозорливым и компетентным наблюдателем.

6. Заключение

Мы рассмотрели трактат Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» как своеобразный эпистемический семантико-структурный феномен, порожденный, с одной стороны, естественно-научной парадигмой, с другой — социально-политическим контекстом. Кант не только предугадал «поворот от рассудка к чувствам», но и принял участие в создании почвы для этого поворота, проделав работу по аккумуляции и развитию опыта английских сенсуалистов и Руссо в анализе эстетического вкуса и нравственной природы человека. Результаты изысканий, обозначенные в «Наблюдениях...», имеют вполне определенные выходы на уровень социального управления: это укрепление и воспроизводство ценностных нормативов и разработка таксономии человеческих типов.

Наше исследование подтверждает закрепившийся в истории философии тезис о том, что во второй половине XVIII в. трактат «Наблюдения на чувством прекрасного и возвышенного» воспринимался, говоря современным языком, как научно-популярный текст, в ненавязчивой и развлекательной форме систематизирующий материал в области взаимоотношений полов, особенностей темпераментов и национальных характеров. Однако с позиций сегодняшнего дня в контексте истории науки мы можем признать, что Кант внес весомый вклад не только в развитие метода наблюдения, но и в формирование одноименного эпистемического и литературного жанра. В некотором роде «Наблю-

governance: the strengthening and reproduction of value norms and development of the taxonomy of human types.

Our research confirms the historical-philosophical thesis that in the second half of the eighteenth century the treatise *Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime* was perceived as a popular science text (to use modern terminology), a text that systematised material on the relations between the sexes, temperaments and national characters in a light and entertaining manner. However, from the vantage point of today and in the context of the history of science, we can say that Kant made a tangible contribution to the development not only of the observation method, but to the formation of an epistemological and literary genre of that name. In a way *Observations* can be described as a laboratory for formalising and generalising empirical material. By extrapolating the techniques of visualisation from the natural science to philosophy Kant made us witnesses to the birth and development of representative practices in the human sciences.

References

- Baecker, D., 2013. Foreword: A Mathematics of Form, a Sociology of Observers. *Cybernetics and Human Knowing*, 20(3-4), pp. 5-8.
- Baeva, A.V., 2019. Historization of Scientific Observation in Modern Science Research. *Epistemology & Philosophy of Science*, 56(4), pp. 46-61. (In Rus.)
- Chernenok, I.G., 2005. *Sposoby vyrazhenija argumentacii v jetiko-filosofskom diskurse I. Kanta: Na materiale proizvedenij "Grundlegung zur Metaphysik der Sitten", "Kritik der praktischen Vernunft" i "Metaphysik der Sitten"* [Ways of Expressing Argumentation in the Ethical-Philosophical Discourse of I. Kant: On the Material of the Works Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, Kritik der praktischen Vernunft and Metaphysik der Sitten]. Dissertation. Kaliningrad: s.n. (In Rus.)
- Chernenok, I.G., 2017. Linguistic Paradigm in Kant Studies. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 8(2), pp. 114-123. (In Rus.)

дения...» можно рассматривать как лабораторию формализации и генерализации эмпирического материала. Экстраполируя техники визуализации из естествознания на философию, Кант предоставляет нам возможность стать свидетелями зарождения и развития в гуманитарной науке репрезентативных практик.

Список литературы

Баева А. В. Историзация научного наблюдения в современных исследованиях науки // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 4. С. 46–61.

Волжин С. В. Возвышенное и насилие. Этнос возвышенного у М. Лютера и И. Канта // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 327–343.

Гавриленко С. М. Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52, № 2. С. 20–28.

Гинзбург К. Уликовая парадигма и ее приметы // Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы. Морфология и история. М. : Новое издательство, 2004. С. 189–241.

Гулыга А. В. Кант. М. : Молодая гвардия, 1977.

Зильбер А. С. Знают людей, не зная человека: структура полемики в политической аргументации Канта // Кантовский сборник. 2016. № 3 (57). С. 28–47.

Зильбер А. С. Механизмы, пчелы, лес: политико-антропологические метафоры Канта и их смысл // Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Секции (I) : сб. науч. ст. М. : Логос, 2020а. С. 599–602.

Зильбер А. С. Полемика в политической философии Канта: историко-философский контекст : дис. ... канд. филос. наук. Калининград, 2020б.

Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 2. С. 86–142.

Копцев И. Д. Кант и проблемы лингвистики философского текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993.

Копцев И. Д. К субъектно-речевой структуре аксиологического дискурса И. Канта // Кантовский сборник. 2010. № 2 (32). С. 60–68.

Кюн М. Кант: биография / пер. с англ. А. Васильевой. М. : Дело (РАНХиГС), 2021.

Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 95–156.

Daston, L., 2011. The Empire of Observation, 1600–1800. In: L. Daston and E. Lunbeck, eds. 2011. *Histories of Scientific Observation*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 81–113.

Foucault, M., 1978. *Discipline and Punish. The Birth of the Prison*. Translated by A. Sheridan. New York: Pantheon Books.

Gavrilenko, S.M., 2017. Historical Epistemology: the Zone of Uncertainty and the Space of Theoretical Imagination. *Epistemology and Philosophy of Science*, 52(2), pp. 20–28. (In Rus.)

Ginzburg, C., 2004. The Evidence-based Paradigm and Its Signs. In: C. Ginzburg. *Mify – emblem – primety [Myths – Emblems – Signs]*. Moscow: New Publishing House, pp. 189–241. (In Rus.)

Goldthwait, J.T., 1960. Translator's Introduction. In: I. Kant, 1960. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime*. Translated by J. T. Goldthwait. Berkeley: University of California Press, pp. 1–38.

Gulyga, A.V., 1977. *Kant*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Rus.)

Kant, I., 2011. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime*. In: I. Kant, 2011. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime and Other Writings*. Ed. by P. Frierson and P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 13–62.

Koptsev, I.D., 1993. *Kant i problemy lingvistiki filosofskogo teksta [Kant and Problems of Linguistics of the Philosophical Text]: Synopsis of the PhD Dissertation*. St. Petersburg: s.n. (In Rus.)

Koptsev, I.D., 2010. To the Subject-Speech Structure of I. Kant's Axiological Discourse. *Kantian Journal*, 2(32), pp. 60–68. (In Rus.)

Kuehn, M., 2001. *Kant: A Biography*. Cambridge: Cambridge University Press.

Latour, B., 1986. Visualization and Cognition: Drawing Things Together. In: H. Kuklick, ed. 1986. *Knowledge and Society Studies in the Sociology of Culture Past and Present. Volume 6*. Greenwich, CT: Jai Press, pp. 1–40.

Meerovsky, B.V., 1985. I. Kant and English Aesthetics of the 18th century. *Kantian Journal*, 1(10), pp. 51–57. (In Rus.)

Narsky, I.S., 1985. Philosophical and Aesthetic Ideas of A. Baumgarten as One of the Incentives for Kant's Theoretical Formation. *Kantian Journal*, 1(10), pp. 40–51. (In Rus.)

Nikonova, S.B. 2012. Kant's Philosophy and the Foundations of the Process of Aestheticization in Modern Culture. *Kantian Journal*, 1(39), pp. 45–54. (In Rus.)

Мееровский Б. В. И. Кант и английская эстетика XVIII века // Кантовский сборник. 1985. № 10. С. 51–57.

Нарский И. С. Философско-эстетические идеи А. Баумгартена как один из стимулов теоретического развития Канта // Кантовский сборник. 1985. № 10. С. 40–51.

Никонова С. Б. Философия Канта и основания процесса эстетизации в современной культуре // Кантовский сборник. 2012. № 1 (39). С. 45–54.

Рикёр П. Память, история, забвение. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2004.

Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск : Изд-во Новосибирского университета, 1997.

Соболева М. Е. Как читать Канта, или Кант в контексте современных эпистемологических дискуссий в западном аналитическом кантоведении // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 129–140.

Сологубов А. М. Модель мира и последние основания аргументации (на примере кантовских текстов) // Модели мира. Исследования по логике, аргументации и истории философии. Калининград : Изд-во КГУ, 2004. С. 109–119.

Судаков А. К. Философия любви в «Наблюдениях над чувством прекрасного и возвышенного» // Философия и культура. 2017. № 2. С. 136–150.

Тausneva А. С. Эстетическая теория И. Канта в свете герменевтического проекта Х.-Г. Гадамера // Кантовский сборник. 2016. № 2 (56). С. 67–72.

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015.

Черненко И. Г. Лингвистическая парадигма в кантоведении // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 114–123.

Черненко И. Г. Способы выражения аргументации в этико-философском дискурсе И. Канта: На материале произведений “Grundlegung zur Metaphysik der Sitten”, “Kritik der praktischen Vernunft” и “Metaphysik der Sitten” : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2005.

Baecker D. Foreword: A Mathematics of Form, a Sociology of Observers // Cybernetics and Human Knowing. 2013. Vol. 20, № 3–4. P. 5–8.

Daston L. The Empire of Observation, 1600–1800 // Histories of Scientific Observation / ed. by L. Daston, E. Lunbeck. Chicago : University of Chicago Press, 2011. P. 81–113.

Goldthwait J. T. Translator’s Introduction // Kant I. Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime. Berkeley : University of California Press, 1960. P. 1–38.

Shell S. M. Kant as Propagator: Reflections on “Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime” // Eighteenth-Century Studies. 2002. Vol. 35, № 3. P. 455–468.

Ricoeur, P., 2004. *Memory, History, Forgetting*. Translated by K. Blamey and D. Pellauer. Chicago & London: The University of Chicago Press.

Rorty, R., 1979. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press.

Shell, S.M., 2002. Kant as Propagator: Reflections on “Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime”. *Eighteenth-Century Studies*, 35(3), pp. 455–468.

Soboleva, M.E., 2018. How Do We Read Kant, or Kant in the Context of Contemporary Epistemological Discussions in Western Analytic Kant-Studies. *Voprosy filosofii*, 3, pp. 129–140. (In Rus.)

Sologubov, A.M., 2004. Model of the World and the Last Foundations of Argumentation (On the Example of Kant’s Texts). In: V. N. Bryushinkin, ed. 2004. *Modeli mira. Issledovaniya po logike, argumentacii i istorii filosofii* [Models of the World. Studies in Logic, Argumentation and the History of Philosophy]. Kaliningrad: KGU, pp. 109–119. (In Rus.)

Sudakov, A.K., 2017. Philosophy of Love in the Observations of the Feeling of the Beautiful and the Sublime. *Philosophy and Culture*, 2, pp. 136–150. (In Rus.)

Tausneva, A.S., 2016. The Aesthetic Theory of I. Kant in the Light of the Hermeneutic Project of H.-G. Gadamer. *Kantian Journal*, 2(56), pp. 67–72. (In Rus.)

Volzhin, S.V., 2017. Sublime and Violence. The Ethos of the Sublime in M. Luther and I. Kant. *Christian Reading*, 4, pp. 327–343. (In Rus.)

Zammito, J.H., 2002. *Kant, Herder, and the Birth of Anthropology*. Chicago: The University of Chicago Press.

Zilber, A.S., 2016a. Knowing People without Knowing a Human Being: The Structure of Polemics in Kant’s Political Argument. *Kantian Journal*, 3(57), pp. 28–47. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2016-3-3> (In Rus.)

Zilber, A., 2016b. „Zum Geständnisse zu bringen“: Wahrheit, Glückseligkeit und Publizität bei Kant. *Con-Textos Kantianos*, 4, pp. 70–88. <https://doi.org/10.5281/zenodo.163990>.

Zilber, A.S., 2020. *Polemika v politicheskoy filosofii Kanta: istoriko-filosofskij kontekst* [Polemics in Kant’s Political Philosophy: Historical and Philosophical Context]. Dissertation. Kaliningrad: s.n. (In Rus.)

Zilber, A.S., 2021. Mechanisms, Bees, Forest: Kant’s Political and Anthropological Metaphors and Their Meaning. In: A. V. Smirnov, ed. 2021. *Vos’moj Rossijskij Filosofskij Kongress “Filosofija v policentrichnom mire”. Sekcii (I) [Eighth Russian Philosophical Congress “Philosophy in a Polycentric World”. Sections (I)]*. Moscow: Logos, pp. 599–602. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Zammito J. H. Kant, Herder, and the Birth of Anthropology. Chicago : University of Chicago Press, 2002.

Zilber A. "Zum Geständnisse zu bringen": Wahrheit, Glückseligkeit und Publizität bei Kant // Con-Textos Kantianos. 2016. № 4. P. 70–88.

Об авторах

Анастасия Валентиновна Бабаева, кандидат философских наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Россия.

E-mail: dff1890@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0676-6336>

Людмила Владимировна Гусева, кандидат педагогических наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Россия.

E-mail: ludmila_guseva@yahoo.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8605-4418>

Ольга Михайловна Ким, кандидат педагогических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: OMKim@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7898-9045>

Для цитирования:

Бабаева А. В., Гусева Л. В., Ким О. М. Семантико-стилистические особенности трактата Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного»: искусство видения и описания объекта // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 2. С. 68–95.

doi: [10.5922/0207-6918-2022-2-3](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-3)

© Бабаева А. В., Гусева Л. В., Ким О. М., 2022.

The authors

Dr Anastasia V. Babaeva, Associate Professor, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: dff1890@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0676-6336>

Dr Ludmila V. Guseva, Associate Professor, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: ludmila_guseva@yahoo.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8605-4418>

Dr Olga M. Kim, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: OMKim@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7898-9045>

To cite this article:

Babaeva, A.V., Guseva, L.V. and Kim, O.M., 2022. Semantic and Stylistic Features of Kant's *Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime: The Art of Seeing and Describing an Object.* *Kantian Journal*, 41(2), pp. 68-95.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-3>

© Babaeva A. V., Guseva L. V., Kim O. M., 2022.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))